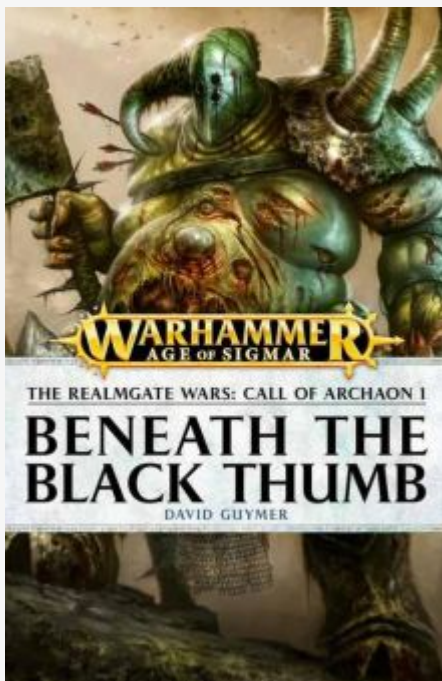

Под Чёрным Пальцем / Beneath the Black Thumb (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Под Чёрным Пальцем / Beneath the Black Thumb (повесть)

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymer
Переводчик	Листопадов
Издательство	Black Library
Серия книг	The Realmgate Wars
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

I

- Ты пришёл ко мне и предлагаешь смерть, - сказал Копсис Буль, вонзая свой трезубец на длинной рукояти в мягкую красную почву. Кровь или нечто, отдалённо её напоминающее, выступило вокруг впившихся зубьев. - Королевский подарок, посланец, но смерть цветёт там, где я решу её посеять. Я - тот, кто пожинает смерть.

Клетч Струпокоготь внимательно наблюдал за ним глазами, которые, казалось, были способны угледеть слабину даже в бриллианте. Молочно-жёлтые, они проглядывали через запаршивевший обрывок человеческой кожи, прижимаемый им к морде когтями, от которых Клетч и получил своё прозвище. Личина на его мохнатой и завшивевшей морде могла быть просто отвратительна, но чем или кем она была - об этом чумной жрец не распространялся.

- Пищат-говорят, начинается новая эра, - протянув лапу, скавен раздражённо прихлопнул жужжавшую раздутую муху. Из-за размытого зрения Булю почудились три глаза, но крысолюд клацнул когтями и его облик вновь стал хорошо различимым. - Война приходит. Даже к тебе.

Буль резко вскинул голову.

Скавен немедленно сделал шаг назад, напрягшись, чтобы бежать или биться. Присев на задних лапах, крысолюд стоял на вершине гниющей кучи, что доходила Булю до поножей. Его правая лапа метнулась за оружием, спрятанным под робой, и он прошипел предупреждение через пахучую повязку.

Буль улыбнулся, из-под растянувшейся гнилой плоти показалось нечто слишком широкое для человеческого рта.

Медленно Клетч приподнял пустые лапы, а затем и кончик обгрызенного хвоста, который раздражённо замельтешил над головой крысолюда.

- Я не для того прошёл-прошмыгнул весь путь от клана-норы, чтобы драться-спорить! Чёрный Палец и клан Риккит были друзьями-союзниками во время Эры Хаоса. Это записано. Это запомнено. Теперь мы обязаны-должны сражаться вместе клыком к когтю вновь!

Слегка потрянув головой, Буль повернулся к скавену спиной. Переставив окровавленный трезубец, он проделал ещё три новых дырки в почве, зубья прошли пядь земли, прежде чем вонзились во что-то непробиваемое. Обнажив чёрные пеньки зубов и издав рык удовольствия, он поставил ногу на основание наконечника трезубца и покачал рукоять взад-вперёд.

Воспользовавшись трезубцем как рычагом, Буль перевернул неподдающийся участок в едином взмахе разлагающейся плоти.

Мёртвое тело вырвалось из-под земляного покрова и шлёпнулось на поверхность.

Серо-чёрное лицо, столь же расквашенное и милое, как пучок ароматных клубней, вылезших из земли, со спокойствием мертвеца уставилось на медленно кружащиеся звёзды. Побеспокоенные личинки и черви изгибались под звёздным светом, словно раскрывая некую великую тайну под пыткой. Буль смотрел, как они закапываются обратно, убаюканные жужжанием миллиарда раздутых мух и карканьем ворон.

Извивайтесь. Извивайтесь.

- Несущий Гниль! - окликнул его скавен.

Буль оторвал влажный взгляд от земли, в его разуме шевелились черви и мрачные предчувствия. Крысолюд продолжил.

- Молниевые люди ударили по клановым норам в Сломанном Клыке, Диких Землях, Тлетворной Трясине. Даже клановые братья из далёкого Гирана уходили-бежали, прогрызая ходы через места-Владения, чтобы принести туда слово войны.

Подняв трезубец на плечо, Буль повернулся достаточно резко, чтобы заставить чумного жреца клана Риккит тревожно взвизгнуть. Крысолюд отпрыгнул в сторону, вновь нащупывая своё скрытое оружие, но Буль всего лишь сошёл с места, где стоял ранее, шагая как зомби, которому неожиданно приказали двигаться вперёд.

- Буль. Буль!

Копсис Буль проигнорировал скавена, на каждом шагу приглушённо лязгая бронёй. Несколько шипастых пластин разошлись у сочленений, но основной урон броне был причинён не столько снаружи, сколько изнутри. Трупные газы наполняли живот, который раскрывал пластины изнутри, как жирная личинка проедает себе путь из оболочки яйца. Везде, где ещё оставалась живая кожа, вздутия, нарывы и опухоли ещё больше изгибали и пятнали некогда зелёный металл, делая его чёрным.

Ни разу с тех пор, как началась Эра Хаоса, Буль не встречал себе равного, и его сады приносили мокнувший урожай в земли от Полей Кровавого Цветения на юге до Авалундских Ледяных Королевств на севере, от торфяных болот Мургид Фейн до непокоряемых Бешеных Вершин и их королей-гаргантов.

Его владения были слишком широки, чтобы иметь одно название.

Они включали в себя Оспяные Пески, великое Вспученное Озеро, Плантацию Мух, участки с плотью, перемежающиеся оросительными канавами с гноем, над которыми жужжали размножающиеся демонические мухи. Так далеко, насколько глаз мог увидеть сквозь бубонный туман, чахлые существа, некогда бывшие людьми, возделывали почву граблями и мотыгами, или спускались в заводы с длинными баграми, чтобы перевернуть плавающие там раздутые трупы, тем самым поддерживая их выдержанность. Сотни угасали за то время, что занимало у Буля обойти все владения, и мертвецов утаскивали в рассадники, наставлял их черёд удобрить собой почву.

Но такова была природа низших существ - вносить свой малый вклад в великое дело.

Они называли эти места Трупными Топями.

Будто бы наугад, скорее ощущая, где мертвец заслуживает его ножа, Копсис опустил на корточки в грязь и издал вздох истинного удовольствия. Распятые останки мужчин, женщин и детей были воткнуты в землю повторяющимися рядами на расстоянии большем, чем человек мог проехать за день. Здесь могли быть найдены тела почти любой расы, включая несколько таких, которых больше не существовало в иных местах. По причинам, понятным немногим, кроме самого Буля, он назвал это место Живым Питомником. Зловонный ветерок стонал между мёртвыми, заставляя их раскачиваться подобно пышным деревьям в пору цветения. Вытянув из-за пояса изогнутый нож, он отрезал кисть руки, которая была уже настолько разжиженной, что начинала оттягиваться от запястья. Это был человек. Восхитительная словно нектар чернота капала из отреза. Буль слизнул её со своей руки, прикрыв глаза в экстазе.

У него в голове не было плана, каким должен стать его сад, но он знал, что требуется сделать для его завершения. И это произойдёт скоро. Очень скоро.

Мысль об этом приводила Копсиса в дрожь, хотя та его часть, что так дорожила этими заботами, огорчалась их неизбежному окончанию.

- Здесь очень много твоих сородичей, - сказал Буль, поняв, что крысолюд последовал за ним и теперь сидел на старой стене позади него. Держал дистанцию.

- Ваша шерсть. Ваши внутренности. Вы кишите жизнью, как никто другой, - Буль отрубил ещё одну отвисшую конечность точным ударом. - Ничто не гниёт так быстро, как скавен. Ничто не радуется Дедушку Нургла так сильно.

- Ты хочешь-желаешь, чтобы я это передал своим хозяевам?

- Спроси меня снова в час полнолуния.

- Почему-почему? Что тогда изменится?

С широкой улыбкой Буль облизнул нож. Птицы кричали на лихорадочных языках, возможность понимать больных животных, которую он получил однажды, помогала ему разобрать не всё, но половину.

- Ты придёшь в благоприятную ночь. Впервые за две с половиной тысячи лет звёзды соединят мои Врата Владений с другими.

- И что тогда? - прошипел Клетч, неожиданно забеспокоившись.

- Спроси меня снова в час полнолуния.

II

Фистула, первый владыка порчи Чёрного Пальца, наслаждающийся болезнями и смертью, вскрыл оррука от бедра до бедра обратным ударом пилящего клинка. Из-под клыкастого шлема донёсся удивлённый хрюк зеленокожего, но боец остался стоять, твёрдый как мёртвая плоть и столь же нечувствительный к боли. Придерживая свои извивающиеся внутренности кулаком размером с маленький щит, он с рёвом обрушил топор на владыку порчи.

Стойкие и злобные орруки пользовались дурной славой. Но лихорадка, огнём разливающаяся по венам от заражённой раны на животе, делала противника медлительным. Фистула с лёгкостью уклонился от неуклюжего удара и переломил ему голень пинком ноги. Это было упоительно. Большинство людей

никогда бы не узнали, что оррук может страдать так сильно, как сейчас страдал этот. Но он не сдавался.

Фистула ценил это.

Приняв слабый удар на обух клинка, и отбросив его в сторону, он оказался позади похожей на бревно орручей руки, достаточно близко, чтобы почуять, как чумные создания неистовствуют в крови неприятеля, и погрузил кинжал для парирования ему в глотку.

Здоровенная челюсть оррука судорожно дёрнулась, когда Фистула вырвал оружие и оттолкнул скотину прочь. Кровь из разорванной артерии брызнула дугой и окрасила зелёным забрало шлема Фистулы. Он глубоко вздохнул – отчасти, чтобы испытать влагу прямо из воздуха, отчасти просто ради чистого удовольствия.

Фистула опустил взгляд на поверженного оррука. Тот всё ещё щёлкал челюстями, хотя уже захлёбывался в крови, а глаза его побелели. Владыка порчи мог бы покончить с ним быстро, должен был, возможно, но ещё много орруков скрывалось в тенях Бешеных Вершин, потому покончить с ними всеми не удалось бы никогда.

Он огляделся.

Орруки всё ещё сражались рассеянными ватагами, рассредоточившись вдоль всего узкого участка ущелья, в который Чёрный Палец загнал их, но они были разбиты. Разбиты, но не подобно людям или воинству Несущих Гниль. Они не бежали. Напротив, они продолжали драться с бездумным упорством больных зверей. Выносливые, как и вся их раса, враги несли на себе отметины заразы: гноящиеся язвы и покрывшиеся коркой порезы, которые не заживали. На каждую сотню, лежавшую мёртвыми с обычными ранами, приходилась сотня, корчившаяся на земле с кровавой пеной у ртов и с мухами на гниющей плоти.

Горы и зверогоры на полной скорости вламывались в общую схватку, бешено рубя и бодаясь. Всадники Несущих Гниль на червивых скакунах мчались вверх по крутой стене ущелья, чтобы нанести удар по орручьему вожаку. Громадного зверя окружали самые крупные и свирепые из их числа, но он был уже почти пойман в западню воинством тзинчитов, гнавшим его из противоположного края теснины.

Воинство Изменённых являло собой легион самых разных форм и расцветок. Сияло золото. Шептали странные голоса. Огоньки всевозможных форм, запахов и размеров плясали между древками знамён, почти разумные доспехи нашёптывали тайны в глубины подсознания тех, кто обладал разумом достаточным, чтобы услышать их. Демонические мухи жужжали над всем и вся. Гнилые гончие рыскали на флангах, разрывая тех, кто был ранен или остался в одиночестве. Гигантские слизи выкапывались на поверхность, чтобы заглотить воинов-тзинчитов целиком, в то время как чумные трутни и гладкие демонические крикуны уничтожали друг друга в воздушном сражении в небесах.

Об орруках все практически забыли.

Фистула чувствовал схожее настроение во врагах – голод, идущий откуда-то извне этого ущелья. И те и другие пришли сюда терзать добычу, но теперь, изголодавшиеся по настоящему вызову, они бросали друг на друга своих воинов с яростью, какой никогда не бывало прежде.

Это было нечто такое, чего слишком старый и толстый Копсис Буль уже не мог понять. Даже самые свирепые вирусы могут быть усмирены, влача жалкое существование на обедках тех, кого некогда уничтожали миллионами.

Звон адской стали и возбуждённый окрик вернули Фистулу обратно из отвлеченных размышлений о битве. Сквозь свалку ближнего боя между тлетворными королями порчи и чахнувшими орручьими бойцами, которых было в полтора раза больше, прямо на него медленно надвигался воин Хаоса, облачённый в полные доспехи, украшенные золотом и лазурью. Его шлем представлял из себя сплошной кусок металла с вытравленными на нём полуприкрытыми глазами, через которые враг, вероятно, мог видеть, пользуясь неким колдовством. Золотые рога по бокам до бесконечности закручивались сами в себя. Тзинчит нанёс орруку удар кулаком и добил его, с рёвом ударив широколезвым мечом.

Закричав, Фистула крутнулся на месте, сцепившись своим зубчатым клинком с падавшим на него более крупным клинком. Но это не было защитой. Он упёрся в широколезвый меч тзинчита, пытаясь сломать его. Удар отозвался в руке владыки порчи, его зубы задрожали. Рефлекторно разжав пальцы, он едва не потерял клинок, если бы не кровь и гной, натёкшие на рукоять оружия из загрязнённых мозолей и приклеившие её к ладони.

Тзинчит отступил, как будто его ударили по голове так, что шлем зазвенел. Тяжёлый меч врага замер, локти свело спазмом от усилий, приложенных, чтобы удержать клинок.

Фистула отсёк воину голову единственным ударом по шее и захохотал.

Он был противоположностью Копсиса Буля во многих аспектах. Там, где владыка язв стал подобен раздутым останкам человека, тело Фистулы чахло, благоволение, которой он нёс в себе, было написано на его уродствах, оголённых костях и сухих мускулах, которые нескончаемо гноились. Он был воином. Лихорадка, бушевавшая в его разуме, не могла быть излечена никакой войной, а его броня, облегчённая в соответствии с его предпочтениями, была украшена отметинами, свидетельствующими о болезнях, которые он испробовал, и о цивилизациях, которые он поверг.

- Охраняйте мёртвых, - прогремел смертельно бледный король порчи, носящий грозный доспех из заострённых по краям пластин и висячую кольчугу. Он врезался в орруков, вооружённый парой одинаковых ножей, кроваво эффективный в наиболее предпочитаемом им способе убийства. Фистула был одним из немногих, кто знал его как Витана. Для остальных же он был Пиявкой. Король порчи повернулся и сделал нетерпеливый жест, «сюда, быстрее!». - Подведите телеги. Если мы не вернёмся обратно к часу полнолуния, вам же будет худо.

Сотрясая грязный воздух, наполненный болезнями, прибыла дюжина повозок. Каждая была запряжена шестью тяжело дышащими лошадьми, колёса повозок были сопоставимы размером с человеком, перила была из старого дерева, а их высокие борта испещрены клеймами, вырезанными ножами разных воинов. Прокажённые жнецы в капюшонах и обмотках наклонялись через перила с крюками, чтобы подтянуть мёртвых. Погонщики скомандовали остановку. Лошади фыркали в своих упряжах, брыкались, блевали и кусали друг друга за блохастые шкуры.

С боем пробившись к Фистуле, Витан взглянул на оррука, всё ещё умиравшего у ног его владыки. Кожистая оболочка продолжала сморщиваться, а жиденькие её остатки облипали вокруг костей.

- Он будет недоволен. Этот - бесполезен.

Фистула презрительно усмехнулся. Витан был достаточно стар, чтобы биться вместе с Копсисом Булем с самого начала, но ему не доставало амбиций, чтобы не дать затмить себя человеку, за которым он теперь следовал в бой.

- Я здесь не для того, чтобы рыться в отбросах и я здесь не ради Буля, - сказал Фистула.

Они не могли насытиться одной лишь славой прошлого.

Фистула изучал последствия неудачи тзинчитского чемпиона. Воины обеих сторон наполнили ущелье от края до края буйством красок и звуков. Даже небо отреагировало на яркую схватку, бубонная мгла, что застелила владения Буля, стала болезненно бирюзовой из-за надвигающегося облака тзинчитского огня, что следовало за боевой ордой с севера. Скрюченные деревья, покрытые обнажёнными нагноениями, теряли чёрную листву, цепляясь за горный хребет. Их прибывало к земле встречными ветрами.

Фистула вздрогнул, хотя не мог сказать почему. Его глаза сузились.

Что-то пряталось под нависающим лесным пологом. Фистула мельком заметил силуэт, или скорее намёк на него. Скорее ощущение, чем что-то, что он мог позднее описать и с уверенностью заявить, что оно было реально. Ему почудились длинные одеяния, худощавая фигура, но наиболее явным было чувство того, что за ним наблюдают очень, очень многочисленные скопления глаз. За одно мгновение всё исчезло.

След присутствовавшего существа обладал неким едва осязаемым обаянием, и никак не исчезал полностью, пока Фистула вглядывался наваждению вослед и запечатлевал ореол его силы в своём разуме.

Он потряс головой, стянул шлем, попутно отдирая благословенные струпы, и стёр кровь оррука со своей безволосой головы.

Чувство, что за ним наблюдают, осталось, оно было как раздражающий вопрос в глубине сознания. Он чувствовал, что его оценивают, но для чего – Фистула сомневался, что у него хватит ума постичь это. Впрочем, это его не беспокоило. Оскалив зубы в предвкушении, владыка порчи воздел меч, подавая знак к нападению. Его собственное прославление было единственным, что имело значение.

Пускай наблюдает. Пускай оценивает.

III

Клетч Струпокоготь вытянул руки в стороны, в то время как раб-скавен опустил ему на плечи тяжёлый посольский плащ клана Риккит. Он был немного жарковат для надоевшей сырости Трупных Топей, и вызывал зуд в труднодоступных местах, что было странно для столь благородной одежды. Блохи, жившие в этом плаще, передавались от жреца к жрецу на протяжении двух сотен лет, и теперь были выносливыми потомками тех, которые выжили под воздействием всего кланового арсенала ядохимикатного колдовства.

Денщик нырнул Клетчу под руку и бочком прошаркал вперед.

Раб был нагим, за исключением его собственной вшивой шерсти и клейм клана и владельца, но это успокаивало Клетча лишь отчасти. По его мнению, было много иных неожиданных мест, куда целеустремлённый убийца мог спрятать оружие. Его жёлтые глаза сверлили голову раба. Из глотки негодника вырвался визг, когда он несколько раз прищемил палец, в панике пытаясь застегнуть у плаща воротник из крысиной кости. Клетч заволновался, стоило рабу начать суетиться.

Было слишком жарко. Неприятный яркий зелёный свет жаровен искажающего камня вокруг низкого навеса был слишком ярким. Пряный запах же, который они издавали, чтобы отогнать вонь, был слишком

тошнотворно-сладким.

- Сколько-долго до полнолуния? - спросил Клетч у чумного монаха, сидевшего у стены шатра за его спиной.

- Скоро-скоро.

Пегая шкура Скурфа вся была испещрена оспинами, и настолько лишена волос из-за его собственных постоянных почёсываний, что монах походил на птицу, которую ощипали не до конца и выкинули. Замшелый словоносец поставил когтистое перо на кусок пергамента из человеческой кожи, на котором составлял список всех недугов, которые они встретили с тех пор, как прибыли в Трупные Топи и пожал плечами. - Остался один час, я думаю-полагаю.

Клетч беспокойно подвигал плечами. - Что-то вот-вот случится-произойдёт. Я чувствую-чувствую это своими когтями.

- Я тоже это чую-чувствую, - согласился Скурф, всегда готовый согласиться.

Раб метнулся к обитому медью сундуку, стоящему открытым у внутренней стены навеса, и вернулся с посохом Клетча с навершием из искажающего камня. Пробурчав упрёк, Клетч выхватил посох у раба. Почувствовав себя немного лучше, он втянул воздух, приоткрыв рот, чтобы его распробовать. Помимо вони разложения и его собственных следов жизнедеятельности, которые он пытался скрыть, оставалось очень мало запахов, но каким-то образом он знал, знал, что помимо них троих под навесом есть кто-то ещё.

- Хочешь-желаешь вернуться домой? - спросил Скурф.

- Нет, - ответил Клетч, имея в виду "да". - Владыки клана не вознаградят нас, если мы вернёмся с пустыми лапами. Молниевые люди ударили по ним сильно-жёстко во многих-разных местах. Владыки клана в отчаянии. И они... принимают плохие решения, когда в отчаянии.

Раб прибежал обратно, неся бутылку, полную зеленовато-красного напитка, который он наливал в кубок. Из стакана пошёл дымок, едва жидкость коснулась стенок. Раб склонил голову, предлагая выпивку. Клетч строго посмотрел на него. Вздыхнув, тот поднёс стакан к губам и сделал пробный глоток.

Клетч забрал у закашлявшегося раба кубок, собрался с духом, и опрокинул в себя его содержимое. Он скорчился, глотку спёрло, мускусная железа сжалась; высунув язык, скавен проверещал: - Гадость!

- Лучшие-лучшие зелья на вкус - худшие, - понимающе согласился Скурф.

Некогда клан Риккит был частью клана Чумы, пока обвал туннелей на путях между мирами не отделил их от братьев. Они всё ещё сохраняли старую устойчивость к болезням и ядам, но осторожная крыса - здоровая крыса.

- Так или иначе, всё это пустая трата времени, - сказал Скурф, вновь берясь за перо и окуная его в потрошёного чернильного жука, всё ещё подрагивавшего на столе. Поскребя по пергаменту, он продолжил. - У него много воинов, но это уже не тот Копсис Буль, которого боялся мой выводок, когда я был маленьким-молоденьким.

Клетч не был так убеждён. Буль мог заставить мир превозносить его на протяжении тысячелетия или двух, если бы захотел, в этом он был уверен. И, если Буль окажется кем-то менее значимым, нежели тираном из клановых легенд, в таком случае Клетч был рад, что не он был посланцем, отправленным

договариваться с владыкой язв.

- Мы можем подождать ещё один час. Надо убедиться, что всё сделано как надо, сделай так, чтобы мои воины готовы были выдвигаться.

- Да-да, - ответил Скурф, аккуратно зачехляя перо и убирая его прочь.

Клетч откинул боковое полотно навеса и скользнул в душную ночь, морща нос и понурился взгляд. Двое из двух дюжин чумных монахов, тихо чирикавших молитвы снаружи навеса, тут же зашагали следом.

Некогда здесь стояла колоссальная крепость-храм, построенная народом, который поклонялся звёздам и возводил башни невероятного размера, чтобы предметы, на которые была направлена вера этих людей, оказались ближе к ним. Несмотря на то, что их глаза всегда были направлены в небо, они также были умельцами в работе по камню. Множество великих строений всё ещё стояли, хоть и обратились в руины, каменные колонны пожелтели из-за гнили, погоды и войны. Копсис Буль именовал это место Висячими Садами, называя его так из-за тысяч и тысяч мёртвых и умирающих, развешанных на покрытых мохом оборонительных стенах. Те, кто всё ещё был жив, тряслись от лихорадки, поэтому сами стены казались движущимися. Рты живых раскрывались, но от них нельзя было услышать об их мучениях, они были не в силах перекричать мух.

Попытка сосчитать мух была просто безумием. Они были бесконечны, рой за роем клубясь над развращённой крепостью в таких количествах, что становились подобны огромным хитиновым крыльям жука, который опустился на мир и закрыл собой небо. Порой гул, исходящий от насекомых, готов был разорвать границу между землёй и небесами, между реальным миром и нереальным. В остальное же время, он просто сводил с ума. Это раздражало.

Лагерь-шатер клана Риккит расположился на развалинах внутренних ворот, ныне разбитых и раскрошенных для создания каменистых бугорков с острой порослью, которая ежедневно поливалась кровью людей, мёртвых в течение года. Они бы задержали нападение, как и любые ворота - если какой-то враг оказался бы столь удачлив, что дожид до внутренней защитной линии Буля.

С этой наблюдательной точки Клетчу открывался крайне неприятный вид.

Трупные Топи были чудовищны. Они напоминали ему источенные ячейками оспин пещеры Мугрид Фейн, где выращивались новые болезни, заготавливаемые и собираемые с рабов каждой из существующих рас. Но тут масштаб был куда более крупным. Фабрика простиралась так широко, насколько видел глаз, и от этой картины скавен ощущал себя гнилым, изнурённым. Все его чувства взывали к разуму, пытавшемуся опровергнуть эту неправильность, и даже крысолюд, признанный знаток промысла вырождения, был угнетён этим.

Гейзер трупного газа вырвался из воронки ниже, неподалёку от проездной башни. Грязевые капли обрызгали гниющие ворота и группу воинов, заходящих в расколотые створки. За ними следовала колонна чумных чудовищ и мясных телег. Клетч узнал в них отряд Фистулы - наиболее ценные воины Буля, они были лишь каплей в океане гноя его орды.

Облокотившись на посох, скавен приготовился ждать.

- Ещё один день, проведённый в коленопреклонении перед благодушием нашего владыки, а, посланец? - спросил Фистула, тяжело поднявшись по откосу, и очевидно, направляясь туда же, куда собирался Клетч. Чемпион был забрызган кровью и излучал презрение ко всем и каждому, в том числе и к скавену в частности, это было видно по подёргиванию его налитых кровью глаз.

Владыка порчи подошёл к нему, гружёные повозки, запряжённые сухощавыми прогнившими тварями, скрипели следом. Клетч подозрительно принюхался к мухам, лениво жужжащим над грузом обоза. Опыты клана Буррзик в выведении подслушивающих москитов провалились, как следствие клановой неумелости, однако никогда нельзя знать наверняка. Никто не знает наверняка.

- Может и так, - ответил он, затем примирительно чирикнул, указал кончиком хвоста на вершину холма.

Там, окружённая кольцом светящихся белых колонн, которые своей чистотой внушали чувство силы и возвышенности, находилась мраморная арка, покрытая астрологическими созвездиями и рунными знаками. Она стояла неприкрытая под звёздами, словно ожидая их зова, и хоть она была в спячке, её вид заставил Клетча вздрогнуть до кончика хвоста.

Он мог понять, зачем древние возвели такой монумент небесам.

Крысолюд нервно облизнул дёсны. - Что Буль хочет-думает, что произойдёт этой ночью?

- Я могу сказать тебе что я думаю о том, что произойдёт.

Клетч поймал взгляд владыки порчи и прочёл в нём нужду. Битва. Выживание. Стремления, явно не совпадающие с его собственными, но если найти нужные слова и достаточно воли, возможно, совместимые друг с другом. Он вновь взглянул наверх, чтобы проверить, не появилась ли полная луна, его шея, привыкшая к подземным ходам и пещерам, уже болела от этого непривычного ему движения. Именно тогда он понял, что беспокоило его с момента выхода из-под навеса.

Звёзды двигались.

IV

Копсис Буль ухаживал за своим садом уже на протяжении столь долгих лет, что их счёт равнялся семижды семи по семь раз, и ещё по семь раз. Он не знал, сколько миллионов извлёк из-под земли, начиная с того первого дня. В отличие от некоторых, Копсис не хранил никаких списков и не вёл никакого счёта, кроме того, что был у него в голове. Он знал одно: его бог считал это благом.

Повернув нож острием вниз, он вдавил его в податливую грудину тела, лежащего перед ним посреди разделочного стола, словно мягкий серый сыр на засохшем хлебе. Сопrotивления не было, напротив, это было так же просто, как резать мозговой студень.

Плоть разошлась, разбрасывая опарышей, когда Буль распорол тело от горла до кобчика. Месиво из органов и телесных соков сочилось из разреза, запах был чистейшей амброзией. У владыки заурчал живот. Гниение было мастерским кулинаром, оно припускало жир, размягчало сухожилия и отделяло мясо от кости. Оно несло такие глубины и богатства ароматов, которые никогда бы не смогли испытать нетерпеливые пожиратели плоти Кхорна или привереды, что жгли мясо огнём.

Буль слизнул соки с лезвия ножа, растянув рот, чтобы вместить весь кулак с зажатым в нём оружием. Столь великое множество вкусов и поднимающийся запах заставили его задрожать и прикрыть глаза.

Добавленная щепотка чумной магии, сила новой жизни, кольнула владыку в язык, и распространилась по телу, будто волна тепла. Вынув обсосанную дочиста руку, Копсис повесил нож на один из крючьев, торчавших на его доспехе.

- Всё. Готово, - просопел Гург. Обходя содрогающиеся Врата владений, шаман-ревун постукивал по

земле посохом, увенчанным черепом. Стоя позади прогибающихся разделочных столов внутри октета вокруг Врат, владыки порчи и чемпионы торжественно наблюдали. Шаман поднял своё бычье рыло и фыркнул, отчего запрыгали костяные фетиши и перья на его рогах. Закрыв глаза, Гург вздохнул, и обвисшая плоть на его глотке вздрогнула. – Чувствую. Он. Пробуждается.

Буль с улыбкой простёр руки. Факелы, установленные на колоннах, отбрасывали мерцающий свет. Медные колокола, в которые били согбенные рабы, звучали подобно громкому хору.

– Пируйте, дети мои.

Оголодав, собравшийся цвет Несущих Гниль набросился на еду, громко чавкая мясом и хрустя размягченными костями. Буль смотрел на них, обведя их всех своими раздутыми руками. Был здесь и Фистула, как всегда горделивый, амбициозный, набивающий рот с тем же самозабвением, что и прочие. Около него – старый раздутый пёс, Витан, обсасывая жижу со своих пальцев, смеялся над шуткой. Их достопочтимый гость из клана Риккит сжался за угловым столом, дипломатично пощипывая косточку и тревожно поглядывая при этом на небо. Копсис Буль наполнился отеческим благодушием.

То самое время было уж близко. Магия крепла, и Буль ощущал, как врата владений отвечают ей. На какой-то момент он даже почувствовал связь, которая тянулась через Восьмиточие к некому иному месту, некому иному владению, где находился куда более могучий сад, нежели тот, что был выращен владыкой. Подняв взгляд, он увидел, что луна вошла в зенит. Звёзды выстроились в ряд, сияя ярче и чище, чем Копсис видел когда-либо. Одна из них ежеминутно разгоралась всё сильнее.

Широко раскрытыми глазами Буль изучал движущееся созвездие.

Да. Да.

Звезда разгоралась всё ярче и ярче, затмевая сиянием соседок, и выходящий из нее луч света упирался прямо во Врата владений. Буль заворчал от столь резкого свечения и прикрыл глаза рукой. Когда свет вдруг иссяк, он немедленно перевёл взгляд на врата.

Худощавый ящер, державший то, что выглядело как духовая трубка и копьё, стоял теперь на пьедестале перед Вратами. Он стоял на задних лапах, как человек, но был даже ниже и тоньше, чем Клетч Струпокотерь. Пока Буль смотрел на него, окрас существа поменялся с чёрного на белый, сделав его почти незаметным на фоне мраморного цвета Врат позади. Глаза Буля восстанавливались после вспышки, и он заметил сотню или даже больше маленьких существ, которые рассредоточивались в тенях вокруг собравшихся Несущих Гниль.

Напряжённая тишина обрушилась на всех собравшихся. Даже Гург заметил это и перестал петь.

Ящеролюд опустил голову, его спинной гребень приподнялся. Он издал чирикающую трель, и поднёс духовую трубку ко рту.

Несмотря на свои размеры, Буль мог двигаться подобно яду в венах паникующего человека, если ему это было нужно. То, что он не срывался так в течение сотни лет – не значило ничего. Он был Копсисом Булем, Чёрным Пальцем, нож оказался у него в руке и врезался глубоко во всё ещё вздымающуюся грудную клетку ящера до того, как существо успело выдохнуть.

Создание ошеломлённо замигало. Его чешуйчатая кожа уже начала покрываться волдырями, поражённая благословлённой порчей Нургла, демонические мухи окуклились внутри раны в груди, но к удивлению Буля, оттуда хлынула не кровь, а очищающий звёздный свет.

Обожжённый там, где свет коснулся его руки, Копсис рванул её назад, вырвав заодно кусок грудины ящера. Мясо задрожало, и, упав, исчезло в каскаде мерцающих былинки прежде, чем коснулось земли.

Сжимая и разжимая свой кулак вокруг рукояти ножа, чувствуя при этом обжигающее и очищающее пощипывание, Буль захрипел, ощутив проколовшую его шею духовую стрелку с металлическим наконечником. Яд проник к нему в кровь, и Буль расхохотался бы над его смехотворной беспомощностью, если бы не был настолько взбешён.

Это был его час, его время. На протяжении веков знаки наставляли Копсиса именно для этой ночи.

С рёвом, пришедшим из глубин чудовищного живота, он развернулся и бросил нож. Тот завертелся в воздухе, словно метательный диск, и сбил хамелеонового ящера с ног во взрыве света и костей.

Духовые стрелки и дротики свистели вокруг него как осы, гася факелы ветром от своего полёта, и попадая в Несущих Гниль. Они торчали из нечувствительной плоти, громко стучали по тяжёлым доспехам, и даже повалили несколько могучих воинов прежде, чем те успели среагировать. Зверолюд Гург упал на корточки, и, пригнув голову, забрался под разделочный стол, где и нашёл уже спрятавшегося там Клетча.

Воздух внутри арки Врат владений зарябил.

Это было едва уловимо, но в ответ на чумную магию, которую Буль возвращал в своём саду на протяжении двух тысяч четырёхсот и одного года, просыпалась другая сила. Эта сила продолжала расти, и теперь ничто не могло её остановить.

Копсис Буль вновь взглянул на свою руку, свободную от порчи впервые со времён, которые он уже и не помнил.

- Убейте их всех! - завопил он. - Не дайте ни одному из них коснуться моего сада!

V

Фистула был больше обескуражен, чем зол. Опьянённый мясом, ракоягодным вином и силой, которую он не мог точно определить, но которая наполнила его лихорадочным водоворотом мыслей. Диссоциирующий колокольный стон гудел в его сознании, хотя сейчас они звонили, скорее призывая к бою, нежели к церемонии. В его рту оставался вкус мяса, но оно было свежим, вырванным не из объятий земли Копсиса Буля, но из содрогающихся тел живых.

Нурглит выплюнул полный рот раскалённого звёздного света. Или попытался. Его глотка горела, как бы сильно Фистула не откашливался.

Дикая боль вернула ему ясность мысли, и он ударил ящеролюда, в хладнокровном оцепенении шипевшего на кусок, откушенный от его руки. Существо исчезло в брызгах сияющей пыли. Двое других появились во вспышке света со стороны от воина. Они атаковали, держа копьё наперевес.

Фистула поймал выпад первого копьё за рукоять и мечом разрубил его пополам. Ящер споткнулся. Развернувшись ему навстречу, нурглит придавил его к земле и резко выбросил меч на всю длину руки, чтобы пронзить второго. Свет вырвался из спины существа вокруг острия. В этот раз воин был готов к сиянию. Зажмурившись, он вырвал меч назад, топчя первого ящера и давя свет, потёкший из расколотого черепа под его сапогом.

Что-то маленькое и металлическое хлопнуло по наплечнику. Стрелки с наконечниками из звёздного металла. Он увидел грузного Несущего Гниль в плаще из гноящейся кожи, попавшему под целый залп таких. Тот получил шальное попадание, стрелка угодила ему прямо в ухо, и воин обрушился грудой плоти, такой же мертвой, как и его одеяние.

Откуда-то донесся вопль. Плавающая плоть и звёздный свет.

Каждый из бойцов Буля был мастером войны, наиболее могучим из тех смертных чемпионов, что ещё не были столь возвышены Владыкой Разложения, чтобы приблизиться к демоничеству. Но они позабыли чувство подлинного вызова. После тысячелетия бесцельных сражений они позабыли, что значит биться по-настоящему.

Фистула схватился за брюхо.

Он почувствовал боль, словно что-то раздутое давило на его грудь изнутри. Давление поднималось по его горлу, как будто он был змеёй, что пыталась оторвать человека, оказавшегося слишком большим для того, чтобы она смогла его проглотить. Рот воина наполнился привкусом желчи и он рефлекторно сложился вдвое, оторгнув перед собой поток грязи и гнили.

Ящеролюды, попавшие под струю, умирали мгновенной и мучительной смертью. Затронутые же Несущие Гниль исцелялись, словно от прикосновения самого Дедушки Нургла. Опарыши извивались в открытых ранах. Новые восхитительные инфекции сморщивали плоть, что была очищена светом ящеров.

Несколько раз сглотнув, чтобы убедиться, что он тоже исцелён, Фистула огляделся в поиске новых врагов. Их не было. Всё вокруг него находилось в разных стадиях разложения.

Он тяжело дышал, сердце быстро билось. Всё закончилось?

- Убейте их всех! - он услышал крик Копсиса Буля, пронзительная ярость в голосе взвизывала его до отказа. - Не дайте никому из них коснуться моего сада!

Фистула глянул вниз под косогор. Его сердце застучало быстрее от удовольствия.

Свет безудержно разрывал небеса.

Вспышки расцветали между скопищами мух, порождая воинов. Многие из них были крупнее ящеролюдов, которых он только что прикончил. А некоторые из них были намного крупнее. Та первая волна, должно быть, представляла собой нечто вроде авангарда. Разведчики. Возможно, ассасины. Теперь же это была целая армия, спускавшая отдельными группами.

Сопровождаемые звоном колоколов и воинственными кличами, воины Несущих Гниль, рассредоточенные между стенами из развешанных старых останков, противостояли врагу. Буль руководил сотней тысяч душ, и хоть больше половины из них были рассеяны по Трупным Топям и вне их пределов, те, что остались, несомненно были могучим воинством.

Фистула обнажил заточенные зубы в дикой ухмылке. Теперь битва должна была идти за что-то понятное - за славу.

- Хотите войну? - проревел Буль, обращаясь к звёздам, и сама земля внизу, казалось, задрожала от его слов.

Кто-то передал владыке язь его шлем, и теперь его голос грохотал изнутри стали. В обеих руках он

сжимал древко трезубца, которым возделывал свой сад, вены вздувались на бугрящихся бицепсах, и владыка всё продолжал выть без слов. Мощь, дарованная богом, клубилась вблизи него, заставляя сам воздух вокруг густеть. Начинали обретать форму хилые, одноглазые существа. Они были рогатыми, пропитанными слизью, и волокли зазубренные мечи, источавшие душевное разложение. Учётчики Нургла. Чумоносцы. По тому, как напрягся Копсис, казалось, будто он выталкивает их из собственного тела. В некотором смысле, так оно и было.

Фистула взвыл, сведённый с ума жаждой битвы и чумой.

Буль обрушил медный наконечник трезубца в землю и закричал.

- Я дам вам войну!

VI

Клетч Струпокоготь бежал в середине контратаки Несущих Гниль, в толпе, где обычно чувствовал себя в безопасности, петляя и перебираясь между участками твёрдой почвы. Не то чтобы он действительно чувствовал себя в безопасности. Зверолюды громыхали вниз по склону, словно бешеные животные, в то время как воины Хаоса, каждый со своим собственным безумным кличем на чёрных губах, бились друг с другом, чтобы первыми встретить врага, и в своей толкотне они несколько раз чуть не раздавили Клетча. Разумеется, чумные монахи клана Риккит могли быть столь же фанатичны в бою, но лишь когда их уши слышали вдохновляющие слова жреца, а носы чуюли испарения его благословенного кадила. Насколько орда была неуправляемой, настолько же и немногочисленна - не так, как бы того хотелось скавену. Она ещё уменьшалась из-за тех, кто постоянно отрывался от основных сил, чтобы нанести удар по ящеролюдям-застрельщикам, обстреливавших орду с флангов.

Ящеры практически безнаказанно перебирались через стены и оспяные рвы, которые, судя по очевидной нехватке защитников на них, Несущие Гниль считали непреодолимыми.

Несущие Гниль были дураками.

Даже по меркам Клетча, ящеры были чрезвычайно быстроноги. Их кости казались полыми, не наполненными ничем, кроме света, они прыгали по плавающим во рвах телам с такой лёгкостью, словно те были твёрдой землёй. Только сами рвы, рассадники болезней, наполненные смертельными демоническими мухами заставляли их задержаться, - но преграды и вынуждали взбешённых Несущих Гниль пробираться колоннами через их собственные оборонительные сооружения, где они становились лёгкой мишенью для духовых трубок ящеров.

Сцинки.

Клетч вздрогнул, некий глубокий инстинкт застыть и притвориться мёртвым почти убил его среди бегущей колонны воинов Хаоса, зверолодов и фанатиков с зачумленным разумом.

Скавен продолжал бежать без оглядки, в его подсознании мелькали образы джунглей, которых он никогда не видел, ступенчатых пирамид, которые он никогда не посещал, ужас бытия добычей в землях, которые он никогда не называл своими. Струпокоготь никогда не видел этих ящеролодов, этих серафонов, и не слышал об до нынешнего момента, но глубоко внутри он знал их, и это было то знание, которое тысячи поколений новых земель и новых врагов не смогли стереть из расовой памяти крысолюда.

Он прыгал от одного участка плотной земли к другому, затем к следующему, с лёгкостью опережая зверей и бывших людей, что бежали вокруг него. Тяжёлый плащ лишь немного замедлил его, распахнувшись, когда Клетч делал длинный прыжок на основание покосившейся колонны. Тыча своим посохом во все четыре стороны, скавен нюхал воздух, разыскивая запах себе подобных.

Бесполезно. Весь замок провонял разложением. Загорчав, он решил воспользоваться своими глазами.

Несмотря на успех ящероловцов – сцинков, – касательно заманивания Несущих Гниль на более сложный ландшафт, костяк орды Буля всё ещё бился на ровной поверхности, где внешние стены соединялись с проездной башней цитадели. Клетч слышал барабаны и горны, крики и рёв зверей. Зрение скавена не позволяло видеть слишком далеко, и, по крайней мере сегодня, он был благодарен за это.

- Идите в обход! – заверещал он, яростно жестикулируя со своего пьедестала, и обращаясь к банде Несущих Гниль, что переходили вброд вонючий бурый пруд, чтобы достигнуть ярко окрашенных сцинков на другом берегу. – Пойти-взять! Убить-убить! Пошли!

Его не удивило, что чемпион Несущих Гниль зашёл на глубоководье. Воин был дураком. Он тут же заработал стрелку в горло, и моментом позже обрушился лицом прямо в жижу.

Сцинки прямо-таки издевались над тяжело бронированными королями порчи, заставляя тех выглядеть неуклюжими. Демоны же были совсем другим делом.

Каждая ранка на теле Клетча начала течь, каждая болячка расти, наполняя его тело болью, когда десять счетоводов Нургла преодолели оспяной ров, невесомо шагая по жалящим демоническим мухам и отребью, плававшему на поверхности. Хладнокровные звёздные существа вяло среагировали на них. Клетч наблюдал, как сцинк-шаман зашелестел своим пернатым плащом, пролетая над головами чумоносцев, чтобы вихрем из красного и золотого осесть на обломок стены позади них. Очутившись там, он потряс своим посохом, вызвав залп стрелок по приближающимся демонам от своих сородичей.

Клетч захихикал. Любой знал, что демонов таким образом не убить. Но несколько счетоводов свалились, как если бы они были более уязвимы к ядовитым стрелкам серафонов, чем смертные, за которыми шли следом.

Зарычав, Клетч отыскал под плащом оружие, и задержал глаза на шамане.

- Поглядим-почуем, какой ты крутой. Клетч не боится тощего мяса-в-чешуе.

Слабейший запах рептильного мускуса предупредил скавена об опасности раньше, чем разрывающий уши визг сверху взбудоражил каждый из его инстинктов: застыть, бежать, прятаться. Террадон. Направляемая сцинком-наездником, гигантская рептилия спикировала вниз, швырнув удерживаемую до этого в когтях глыбу. Та полетела к земле подобно метеору; она и была метеором.

С визгом ужаса Клетч спрыгнул с колонны, оттолкнувшись за момент до того, как место, где он стоял ранее, оказалось уничтожено, воздух за спиной скавена наэлектризовался от взрыва звёздного света. Его хвост шелушился, плащ объял огонь. Он покатился по земле, шерсть и одежда дымились, а по ногам стекал мускус от неожиданного испуга.

- Царапки-понюшки! – выразился крысоллюд.

Ощупав себя, скавен вырвал несколько стрелок из плаща, после чего нервно сглотнул. Припав к земле, желая быть менее заметной целью для сцинков, которые искали выживших, чтобы добить, он суетливо

сполз с тропы, перебираясь через окровавленный дёрн – тот торчал из мёртвых тел людей и лошадей, подобно иглам, – а после нырнул в участок дикорастущего, ярко окрашенного кустарника, что цеплялся за выступы, произрастая прямо на второй заградительной стене. Пробравшись на несколько хвостов вперед, Клетч просунул голову через тонкие ветки.

Внизу лязгающие потоки воинов Хаоса сливались в едва различаемую мешанину из криков и стали, вонь крови и запах ящеров разносились больше чем на поллиги в центре Висячих Садов. Ему не нужны были глаза обитателей поверхности, чтобы видеть отряды крупных воинов ящеров – завров, бьющихся под золотыми иконами. Крысолюд довольно неплохо различал огромных рептилий, что возвышались над всем вокруг и несли на себе покачивающиеся паланкины, хоть сосчитать количество рогов на их костистых головах уже не мог.

Пока что серафоны были отброшены назад. Ничто не могло выстоять перед напором такого воина Нургла, а Копсис Буль руководил такими же чудовищами, как и он сам. Клетч понюхал воздух и вздрогнул от острого, безошибочно гнусного благоухания.

владыка язв спускался сюда. Прекрасная подмога.

- Струпокотья-господин!

Клетч злобно зашипел, чтобы скрыть удивление, и в этот раз ему удалось сдержать струю мускуса. Скурф поспешно двигался через плотоядный дёрн, окружённый когтесворой штурмкрыс-наёмников, облачённых в мутно-чёрные пластинчатую броню и вооруженных жутковатого вида алебардами. Несколько сотен растрёпанных чумных монахов следовали за ними, некоторые останавливались, чтобы понюхать воздух, испуганно суча при этом хвостами, а затем снова продолжали путь.

- Молниевые люди! – проверещал Скурф.

Словоносец был одет в ту же полинявшую рясу, что и час назад, однако теперь на нём был, кольчужный капюшон, очевидно одетый в спешке, а в руках – большая треснувшая книга, которую он держал как щит. Скурф указал ржавым ятаганом на звёзды. Наверху миллиардами роились мухи, но звёзды за ними больше не двигались. Образовалось неестественно крупное созвездие в форме припавшей к земле жабы, взиравшей с неба глазами красного цвета.

- Дурак-дурак! – рявкнул Клетч. – Это что-то другое.

- Что-то новенькое?

Клетч помотал мордой. – Что-то старенькое.

- Когти-своры готовы отбывать-уходить – добавил Скурф. Он опустил взгляд на битву и сглотнул. – Очень-очень сильно-готовы.

Клетч обнажил зубы, сверкая желтыми глазами. В конце концов, всё ещё могло сложиться. Если Копсис Буль потерпит поражение, что было очень вероятно, в таком случае, владыки клана вряд ли обвинят самого Струпокотья в провале заключения союза, к которому владыка язв, судя по всему, всё равно никогда и не стремился. Но что, если ослабший Буль каким-то образом всё же одержит пиррову победу?

Тогда, быть может, великодушное предложение клана Риккит заинтересует его куда больше.

- Сюда, – прошипел Клетч.

Метнувшись обратно в кровавый дёрн, он запетлял через него, целенаправленно двигаясь прочь от направления основного нападения серафонов. Останки на разных стадиях разложения вздрагивали под лапами, временами разваливаясь до того, как скавен успевал спрыгнуть с них, и Струпокоготь погружался в зловонную воду. Он пролопотал бессловесную молитву Чумной Рогатой Крысе о том, чтобы зелье, выпитое им, продолжало действовать. Держа голову вниз, а нос чистым, посланник двигался дальше. Он бежал внутри круга внутренних стен к внешней стороне крепости-храма. Оттуда, если повезет, можно было спуститься и сбежать без лишних сложностей. Клетч ускорился, превратившись в размытое пятно шерсти.

Не было во всех Владениях ничего быстрее скавена, бегущего с поля битвы, но Струпокоготь пока ещё не был встревожен настолько, что улепётывать впереди своих братьев-монахов.

Не в первый раз - и, как он надеялся, не в последний, - чуткий скавенский слух спас шкуру Клетча.

Проломившись через полог из висячих мертвецов, тяжело двигающаяся рептилия размером с боевого коня в доспехах схватила челюстями передовую клановую крысу и растоптала ещё троих прежде, чем завр-всадник успел натянуть поводья.

Хищная голова твари, крупная и низко расположенная, сидела на чудовищной шее и уравнивалась толстым хвостом, который грозно поворачивался, предвеляя движения твари. Скавен в её челюстях всё вопил. Шея и челюсти дёрнулись, зверь раскусил несчастное создание пополам, разбросав ноги и туловище в разные стороны. Взмах его рудиментарных передних лап задел ещё одного крысолюда.

Скурф издал объединяющий визг, возвращаясь к когтесворе штурмкрыс, когда зверь закончил поворот и фыркнул. С испуганным писком Скурф вскинул «книгу невзгод», одновременно с тем, как завр нанёс удар булавой.

Книга состояла из трухлявого пергамента под обложкой растрескавшейся кожи.

Булава же была метеоритным камнем.

Поспешно отодвинувшись от разможжённого словоносца, штурмкрысы опустили алебарды, выстроив стену крючковатых клинков между собой и зверем. Рептилия - «холодный зверь» - презрительно куснула, вырвав один из клинков и съев его.

Завр взмахнул булавой и с прохладным спокойствием размазал скавена по траве перед собой. На каждой чешуйке из покрывавших его прочную шкуру виднелись рубцы. Глаза его были старыми. Золотые пластины восхитительной работы закрывали уязвимые места: глотку и запястья. Металл сиял подобно свету в конце всех скавенских туннелей.

Воздев булаву, завр издал сотрясающий воздух рёв. Отвечая ему тем же, полная когорта сияющих воинов-завров вышла на открытое пространство.

Клетч заверещал, призывая сохранять порядок и держать строй, сам же он, как всегда, пробирался в конец этого самого строя. Эти завры были пешими, вооружённые копьями и щитами, но едва ли это имело значение. Каждый из них был вдвое крупнее бронированной штурмкрысы и по виду стоил шестерых.

Чумные монахи атаковали с безумным визгом. Завры растоптали их, будто не заметив, и врезались в ряды штурмкрыс.

- Держаться! Биться! Убивать-убивать! - кричал Клетч, заливаясь всё громче по мере того, как крупные основные войска ящеров прокладывали себе путь сквозь его собственные.

От шелеста высокой травы справа у него упало сердце. Там были ещё враги.

Неистово прорубаясь через тела, что висели со всех сторон от него, владыка порчи Фистула мчался вперёд; он налетев на завра сзади, прежде чем холонокровный дикарь понял, что нурглиит рядом. Шествуя под роем мух, его тлетворные короли порчи следовали за воином.

Это было больше, чем схватка. Короли порчи были элитой Буля, а Фистула, насколько знал Клетч, был лучшим из них. Он не был удивлён тем, что первый владыка порчи был среди тех немногих, кто врубился в пересекавших болото сцинков.

- Вперёд! Вперёд! - запищал Клетч, подгоняя своих воинов.

Почувяв кровь, когтесворы и выжившие чумные монахи двинулись вперёд, так что завры оказались зажаты между двух групп неприятелей.

Оценив изменения в обстановке с отстраненным и холодным расчётом, завр направил своего холодного по направлению к Фистуле и вызывающе взревел. Выхватив оба оружия, первый владыка порчи с криком побежал ему навстречу, капая желчью с брони.

Завр ударил первым. Тощий как труп владыка порчи отразил булаву ящера ударом, который мог бы сломать им обоим руки, будь они низшими существами, и увернулся от укуса челюстей холодного. Его нож прочертил шею зверя сбоку, срывая чешуйки. Затем нурглиит отклонился назад, принимая боковой удар старого завра на наруч доспеха, и атаковал в ответ.

Завр вздымал на дыбы яростного скакуна, когда Фистула наступил на размякшее тело чумного монаха, и, используя его как трамплин, перепрыгнул через колотящие конечности холодного. Съехав по игольчатой шее зверя, он врезался в завра всем телом и попытался вонзить нож твари в шею. Ящер двинулся достаточно быстро, чтобы отвести нож от шеи в плечо. Если он и испытал удивление или боль, то не показал этого. Сокрушительный удар завра головой в череп Фистулы перебросил воина через бок холодного на землю. Рептилия наступила на его нагрудник, вдавливая нурглиита глубже.

Клетч выстрелил стрелой чумной магии, заставив голову завра отсохнуть.

Холодный издал непокорный рёв, сотрясавший барабанные перепонки даже после того, как он сам обратился в облако света, подобного тому, в виде которого упокоился его хозяин.

Вздрагивая от пощипывания, вызванного испарениями искажающего камня из его ядовитого кадила, Клетч спрятал реликвию обратно в мешочек под одеждой. Он взял оружие из клановых хранилищ на случай, если потребуется совладать с Копсисом Булем, однако теперь казалось, что эта предосторожность скавену больше не понадобится.

- Они меня почти достал, - забулькал, безумно смеясь, Фистула, который только начинал отходить от какого-то сумасшедшего притока адреналина.

- Мы должны идти-уходить. До того, как придут другие, вроде этого.

- Уходить? - Фистула выпрямился, лицо покраснело и расплылось в острой улыбке. - Я бы сразил ещё больше твоих молниевых людей.

- Это не молниевые люди, - выпалил Клетч, неожиданно и окончательно потеряв терпение из-за глупости других. - Молниевые люди... намного хуже.

- Хуже?

- Пойдём со мной, - прошипел Клетч, подходя ближе и виляя хвостом из стороны в сторону. - Буль стар. Оставь его разлагаться в собственном саду. Пойдём убивать-истреблять вместе с кланом Риккит.

Фистула глянул на своих воинов. Клетч обнажил клыки в ухмылке. Всё-таки ему не придётся возвращаться к владыкам клана с пустыми лапами.

VII

Копсис Буль был неприкосновенен.

Лишь самые могучие из ящеролюдов, подбирившихся вплотную, гибли от ударов оружия владыки; остальных слепила и калечила Гниль Нургла. Но эти звёздные ящеры продолжали идти, не боясь ни смерти, ни болезни.

Его трезубец рванулся как гадюка, пронзив глотку испещренного шрами ящера, и вырвался из затылка существа. Здоровенной чешуйчатой рукой тот схватился за древко, другой рукой замахиваясь сияющим топором из звёздного металла. Буль дёрнул трезубец назад, заставив шрамового ветерана споткнуться, топор ящера безболезненно ударил нурглита в плечо.

Удар открытой ладонью по животу сдернул ящера с шипов и отбросил на два фута назад, в падение навзничь. Буль сократил дистанцию, прокрутил трезубец раз, другой, ещё, и затем пробил насквозь грудь ящеролюда. Рывком он вырвал оружие и резко ударил древком воина-копейщика, который напал на владыку порчи сзади, думая, что тот его не заметит.

Видя, что его орда пытается удержать строй, Копсис Буль сделал шаг вперёд.

Могучий ящер в золотой броне преградил ему путь. Ослепительная мощь Азира кричала между стыками его чешуек, и рёв вызова был подобен зову горна. Слюна цвета звёздной белизны брызнула из пасти, когда серафон поднял примитивного вида двуручный клинок.

Буль сдержал рубящий удар обухом трезубца, и, перехватив древко обеими руками, вонзил наконечник прямо в пах солнечного ящера. Заорвав, воин отшатнулся назад и рукой ударил по рукояти оружия Буля. Трезубец выскочил у Буля из пальцев и приземлился в грязь позади него. Это был умелый приём мастера рукопашного боя.

Издав неземной рёв, солнечный ящер занес оружие над головой.

Буль резко опустил колено на наконечник и скользнул рукой под рукоять трезубца. На середине, пальцы подхватили его на сгиб плеча, как раз в тот момент, когда солнечный воин наносил смертельный удар.

Раздался громкий хруст, вздох, вспышка звёздного света окатила спину владыки порчи.

Повернувшись, Буль выпрямился, и, размахнувшись своим оружием как косой, послал умирающего солнечного воина в голову только что появившемуся вблизи громадного ящера-гиганта подобно пушечному ядру.

Они столкнулись с размаху. Солнечный ящер исчез во вспышке солнечных лучей. Гигант, судя по всему,

без сознания, больше не поднялся.

- И это всё? - заорал Копсис, выписывая смертоносные восьмерки трезубцем. - Всё, на что вы способны?

Убивать вновь, убивать быстро - было великолепно. Цвета были яркими, запахи резкими, а крики звучали подобно колоколам. Он был человеком, очнувшимся от комы и вспомнившим, что он был в бешенстве. - Вы хоть представляете, с кем встретились?

Он сгрёб ещё одного воина-ящера на плоскость зубцов, и напрягся, почувствовав, как что-то сзади.

Фигура в длинных одеяниях стояла на корчащемся ковре из пораженных хворьями ящеров. Она рассматривала Буля сквозь завесу мух, не слишком человекоподобная, но и однозначно не рептилоидная. Возможно, демоническая. Её голова была закруглённой подобно горе, на хребте которой находилось несколько глаз. Часть их лукаво изучала Буля, другие же изучали его сочувствующе, жалостливо или презрительно. Не смотря на то, кем он был, и где находился, Буль ощутил спокойствие.

Не видя гостя, когорта воинов-ящеров атаковала сквозь завесу из мух. Они умирали один за другим. Нечеловеческое привидение не реагировало, однако, хоть не было очевидно, есть у него рот или нет, у Буля создалось впечатление, что оно улыбается ему, словно он был шелудивым псом, заслужившим награду.

Ужасающий смертельный вопль отвлек его внимание.

Могучая чумная личинка, мчавшаяся на встречу ящерам вместе с клином Несущих Гниль, развалилась во взрыве ошмётков. Солнечный луч рассёк чудовище от плеча до живота, а бронированная голова высшей рептилии боднула в бок. К спине ящерного существа была прикреплено строение из серебра и звёздного металла, некое непостижимое устройство богов, трещавшее от энергии. Несущие Гниль отступили, их атака захлебнулась. Буль осознал, что враг атакует по всем фронтам, в то время как его защита начала рушиться. Зарывав, он перехватил трезубец как дротик, собираясь проверить, насколько неуязвима эта рептилия.

- Он ищет чемпиона.

Одеяния приведения зашелестела, когда оно последовало за ним. Одежда была сделана не из шкур или полотна, но из глаз, и шум, который она издавала, был ничем иным как звуком сотен моргающих век, вздрагивающих белой, зелёной, чёрной и любого другого цвета кожей. Оно двигалось без истинного движения. Оно говорило, не говоря.

- Найди его, чемпион.

Повернувшись, и не прибегнув к чему-то столь прозаичному как вытянутый палец, фигура обратила внимание Буля на врата владений. Пелена за ними изгибалась. Звёзды над ними вращались. Даже издали Буль мог видеть, что вид изнутри Врат не был видом его сада. Ярость вернулась к нему в двойном размере. Невероятно. Это не было просто неудачей, что сбросила серафонов на него со звёзд. Они пришли за его вратами владений.

Каким-то образом, они использовали Восьмиточье, чтобы изменить его направление. Но как? Магия вовлечённая в это должна была быть богоподобной!

Неожиданно привидение зашипело от боли. Его плащ засверкал множеством цветов, каждый глаз его зажмурился, словно оно ослепло. И затем во вспышке вселенского света оно исчезло.

Дедушка! – закричал Буль, почувствовав как горит огонь в его глазах. – Помоги мне!

Прикрыв глаза тяжёлой рукой, он уставился на появившееся войско.

Паря на невидимой подушке силы над золотыми копьями своих воинов, оно явилось источником света. Оно выглядело так, как если бы звезда была призвана спуститься с небес и облачилась в сухую плоть и одеяние из бинтов цвета кости. Из своего паланкина, мумифицированное существо оглядывало битву с неохотой нечеловеческого божества. Инстинктивно, Буль понял, что сюда пришло нечто, у чего была власть ещё до того, как некоторые демоны вообще появились. Он почувствовал, как его духовно тянет к существу, золотая погребальная маска обладала чертами амфибии и была украшена драгоценными камнями, она давила на его разум и как будто незримо преобразовывала вселенную вокруг.

Оно не издало ни слова, не показало ни одного жеста, но где-то в пространстве что-то изменилось.

Небеса открылись.

Буль завыл в бессильной ярости, когда звёзды, сорванные с неба, засверкали и начали падать, врезаясь в его орду.

Первый метеорит ударил в холм, стерев в пыль дюжину воинов Хаоса и выбив кратер в сто футов шириной. Затем пошли остальные. Земля тряслась под их гневом. Небо стало белым, свет и шум стали настолько сильными, что сливались в один вопящий цвет во внутреннем оке Буля, и даже демоны горели в огне.

Задыхаясь, Буль упал на четвереньки, и подсёк пробежавшего мимо воина-ящера, он держал его лицо в грязи до тех пор, пока тот не перестал отбиваться. Буль поднялся, оглушённый громом. Волны силы накатывали от приближающегося паланкина. Выстоять против него было практически невозможно, но нечеловеческим усилием воли – он стоял. Он тряхнул головой.

- Помоги мне!

Ничего. Ничего, кроме приводящего в трепет присутствия хозяина звёзд.

С трудом двигаясь, он повернулся и заковылял обратно, туда, откуда пришёл. Никогда в своей жизни Копсис Буль не бежал прочь, но Дедушка Нургл не знал поражения.

С каждой смертью он возвращался вновь.

VIII

Первый владыка порчи Фистула вышел из Врат Владений и оказался в другом мире. Воздух был загустелым, горячим, подслащённым маслом с листьев, напоминающих цитрусовые, и синими цветами в форме колокольчика, которые он и его воины давили ногами. Грузно повернувшись, Фистула огляделся в изумлении. Нурглит чувствовал себя... тяжелее, как если бы само небо придавило его к земле ладонью. Солнце же – а ведь сейчас, на минуточку, должна была стоять ночь – оказалось невероятно крупным и жёлтым словно лютик. Крылатые существа шуршали меж листьев наверху. Откуда-то раздавались крики. Владыка снял шлем, вытер сопливый нос и глубоко вдохнул.

- Новые земли.

Вскоре всё, что доселе зеленело, обратится буйством жёлтого, бурого и ржаво-красного. Оно станет

колыбелью порчи новой земли, изначальной червоточиной, от которой разойдется болезнь. И теперь всё это принадлежало ему.

- Сюда, - прогремел Витан, продираясь сквозь поросль в предполагаемом направлении воплей.

Фистула доверял чутью королей порчи в отношении боли, и последовал за Витаном. Спустя несколько минут неожиданно тяжёлого пути сквозь буйную растительность чужой земли, войны, все до единого, тяжело дышали, их броня болталась на ремешках. Крики стали ближе и жалобнее. Отпихнув ветку грудью, слишком утомлённый, чтобы утруждать себя поднятием руки, Фистула протолкнулся на поляну, залитую солнечным светом.

Большую часть прогалины занимал поваленный ствол дерева, покрытый разноцветными грибами и лишайниками. Крики доносились с противоположной стороны от него.

Прикрыв глаза от резкого солнечного света, Фистула увидел шамана-ревуна, Гурга, которого, с его-то посохом-тотемом и накидкой, увешанной костями, было легко узнать даже среди кучки его последователей. Их было приблизительно две дюжины, тяжело шагающих и сталкивающихся рогами - так зверюды восстанавливали иерархию меж собой и объявляли притязания на новые территории. Гург, сгорбившись, стоял посреди них и раскачивался, одобрительно кивая козлиной головой на шестерых кричащих мужчин и женщин, привязанных к наспех сколоченным столешницам. Вопли же седьмого были несколько иного характера. Зверолюд с лошадиной мордой и несколькими заржавелыми кольцами, продетыми сквозь верхнюю губу, затупленным ножом старательно сдирает с человека кожу.

Фистула улыбнулся. Здесь были люди. Это хорошо. Давненько уже их не видели.

- Владыка порчи! - протянув руки и выставив морду в привычной для него странной манере, Клетч Струпокотерь выбрался из леса прямо напротив Фистулы. Скавенский посланец путался в полах плаща, однако, несмотря на это очевидное неудобство, непохоже было, что крысолюд собирается его снять. Достигнув границы леса, он резко остановился и с шипением попятился, заслоня глаза от солнца.

- Где твои войны? - спросил Фистула.

- В зарослях. Менее храбрые крысы, нежели я, жмутся там, где небо не такое яркое-сильное.

- Хорошо.

Нурглит взглянул через поляну на шумных зверюдов, а короли порчи, меж тем, уже рассредоточились среди лишайников, чтобы прилечь и отдохнуть. Пока их было немного, но это только начало - в скором времени к нему прибьются и другие.

- Я прикажу им искать-рыть путь домой, - сказал Клетч, встревожено дрыгая задней лапой.

- Хорошо...

Фистула уткнул руки в бока и подставил лицо солнцу. Оно принадлежало ему. Всё вокруг принадлежало ему.

Нечто тяжёлое и влажное с шумом вышло из зарослей позади него. Его затылка коснулось сопящее дыхание, наполненное вонью сгнившего мяса.

- Я начинал свой путь к величию и с меньшего. Я могу начать заново.

Владыка порчи резко повернулся.

Буль.

- Теперь я понимаю, - сказал Копсис Буль, мрачно улыбаясь. Шлема на нём не было. - Я понимаю, что упустил.

- Это моё! - прорычал Фистула, обнажая клинки. Едва ощутимый инстинкт самосохранения удерживал его от их применения, некое слабое признание того, что у богов тоже есть свои любимчики. Он попятился на поляну. Буль двинулся к нему, Фистула продолжил отступать до тех пор, пока упавшее дерево не преградило ему путь. Он принял боевую стойку. - Я не позволю тебе превратить моё завоевание в ещё один сад. Ты забыл, как делать что-либо ещё!

Выступив за границу леса, владыка язв простёр руки в жесте прощения, и ступил в солнечный свет. Его глаза зажмурились от слепящего свечения, однако Фистула всё ещё не думал нападать. Мох покрывался пятнами и умирал там, где ступал Буль. Насекомые, летавшие в воздухе, падали замертво, когда нурглил вдыхал его. По всей поляне зверолюды, скавены и короли порчи отвлеклись от своих занятий и преклонили колени.

Буль подошел на расстояние удара мечом, кинжалом, рукой. Владыка порчи опустил оружие. Он чувствовал себя сонным, его кожа пылала жаром.

Опустившись на одно колено перед Фистулой, Копсис Буль обнял его.

Фистула попытался оттолкнуть Буля, но чувство слабости не позволило. Его вдохи и выдохи напоминали приливы и отливы. Владыка порчи дрожал, покрываясь лихорадочной испариной. Вырываясь с желанием биться, он пытался бороться, когда владыка язв баюкал его, укладывая на землю. Фистула попытался с ненавистью взглянуть на него, но не сумел сделать и этого. Горячка застлала глаза нурглиту и раскрыла его разум потоку мудрости.

Колдуны в одеяниях из глаз. Армия чемпионов. Хаос объединённый. Трёхглазый король. Везде и всюду.

- Я буду. Сражаться с тобой. Всегда, - поклялся он.

- Дедушка Нургл не хочет, чтобы мы подчинялись, - улыбнулся Буль. - Он хочет, чтобы мы ярились.

Последним, что увидел Фистула до того, как Гниль Нургла полностью поразила его сознание, стал Буль, поворачивающийся к Клетчу Струпокогтю, с объятиями, распахнутыми в жесте дружбы и благословения.

IX

Копсис Буль расколол землю трезубцем. Переплетающиеся корни пронизывали землю, делая её крепкой, и вскоре он уже тяжело дышал, чувствуя, как жжёт между плечами. Это было хорошее ощущение. Простой труд облегчал разум и мускулы владыки. Однообразная работа давала ему возможность подумать и упорядочить мысли.

Булю надо было над многим поразмыслить.

- Сюда, - сказал он, последний раз копнув землю, и воткнул трезубец рядом с собой. Проведя рукой по безволосому лбу, Копсис повернулся и кивнул.

Витан толкнул ногой тело Клетча Струпокогтя, скатив скавена в канавку, подготовленную для него Булем. Мухи ползали по губам крысолюда. Его глаза были черны от гнилостных яиц, пахло узнаваемой терпкой остротой.

- Так полны жизни, - сколько бы скавенов он не закапывал, эта простая истина всё ещё наполняла Копсиса удивлением. - Мой сад разрастётся здесь. Как я и говорил тебе, посланец, ни одна раса не отдаётся Дедушке Нурглу настолько же полно.

Скавен не ответил, Буль от него этого и не ожидал. Он будет жить вновь, разумеется, Нургл обещал это всем. Плоть крысолюда породит миллионы коротких и дивных жизней, его разложение принесёт пользу земле, в которой он лежит, но никогда больше он не заговорит, не подумает, и не помешает устремлениям владыки язв.

Вытащив трезубец, Буль продолжил зарывать скавена.

Люди возлягут сюда, и туда, по обеим сторонам, где их распад будет усилен соседством крысолюдов. Одного из других скавенов он закопает под деревьями на южной границе поляны, где останки будут подкормкой для тополей. Они были быстро растущими, и гниль будет распространяться стремительней. Уже сейчас их листья начали увядать и буреть по краям. Птицы выкашливали болезненные трели, сидя на домах.

Теперь Буль понимал. Он не знал, как всё закончить, никогда не ведал, но знал, как это начать.

- Архаон.

Фистула был прикреплен к стволу дерева, дрожа как человек, которому в полные доспехи налили ведро ледяной воды. Он едва слышно бормотал бессмыслицу, утомленный, по крайней мере, пока, яростными ругательствами в сторону леса.

Его глаза вращались как гадальные косточки, брошенные исступленным шаманом, а касание Гнили Нургла оставило Фистуле на память венец из морщинистых волдырей, обрамлявший его лысую голову словно корона. Буль рассматривал эти отметины. Здесь был знак, он знал об этом, но знак чего?

- Он всё больше приходит в себя, - заметил Витан.

- Нургл оказал ему великую честь.

- Повелитель мух, - пробормотал Фистула, трясясь. - Король с тремя глазами.

Знак. Несомненно.

Взяв трезубец, Копсис Буль воткнул его в землю и начал заново.

Ему над многим нужно было поразмыслить.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Под_Чёрным_Пальцем/_Beneath_the_Black_Thumb_\(повесть\)&oldid=6334](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Под_Чёрным_Пальцем/_Beneath_the_Black_Thumb_(повесть)&oldid=6334)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 октября 2019 в 11:28.